

1.

Когда прошлый век уже вступил в возраст патриарха, а слово «сеть» всё ещё ассоциировалось лишь с предметом для ловли рыбы, богатый журнальный фонд кафедры вызывал нешуточную зависть коллег из других вузов. И немудрено. Им, для того, чтобы заглянуть в первоисточники, требовалось ехать в город, тратя «халаяный» библиотечный день по прямому назначению, а мне достаточно было заглянуть в соседнюю комнату. Книгохранилище не отличалось большими размерами, но полки с периодикой уходили под потолок. Потолки же в старинном здании академии были ещё «те» — за три метра. Без стремянки не обойдёшься.

Я был единственным человеком на кафедре, которого это совсем не радовало. Догадались, почему? В ту пору я учился в аспирантуре. А что такое молодой аспирант? Безгласная скотина, на которую можно «навьючить» то, от чего, как чёрт от ладана, шарахаются опытные коллеги. Так я стал ответственным за библиотеку и регулярно с мокрой тряпкой в руках проходил по книгам и журналам, тихо ненавидя предшественников за накопительский раж.

Выполнять эту работу с должным тщанием было выше всяких сил. Особых знаков внимания удостоивались лишь фолианты двух-, а то и трёхсотлетней давности — книжки с потемневшими от времени золотыми буквами протирались со всем уважением. За ними шли бесконечные ряды томов *Chemische Berichte*. Им везло только на корешки, по которым тряпка пролетала «на бегу». Современные журналы в бумажных обложках занимали больше всего времени. Во-первых, «коллективный подход» тут не проходил — тряпка то и дело задевала за торчащие углы. Во-вторых, эти издания чаще снимали с полок, и вероятность того, что палец заведующего кафедрой, цепляя необходимое, наткнётся на слой пыли, была неоправданно высокой.

Впрочем, однажды вероятностный подход чуть меня не погубил. То, что профессору может понадобиться одна из «древних» публикаций, я, конечно, предполагал. Но даже не думал, что он лично полезет к потолку, не поленившись воспользоваться стремянкой.

БЛОК АДА

Внеплановый «день чистоты» наступил немедленно. Теперь уже одними корешками обойтись не получилось. К концу третьего часа, мечтая о том благословенном дне, когда на кафедру возьмут нового аспиранта, я поленился в очередной раз передвинуть лестницу и потянулся к дальнему концу полки. Стремянка качнулась. Я схватился за плотный книжный ряд. Равновесие удержать удалось, но один из «немцев» покинул шеренгу близнецов, полетел вниз и звучно грохнулся на пол.

Ссыпавшись вниз по ступенькам, я взял в руки толстый том и внимательно осмотрел. К счастью, обошлось без «увечий». На всякий случай я пролистал страницы и сразу наткнулся на «вкладыш» — расчерченный на клеточки листок желтоватой бумаги с большим пятном в нижнем правом углу. Потомственному ленинградцу хватило одного взгляда — я понял, что держу в руках продуктовую карточку. Блокадную продуктовую карточку без единого вырезанного талона. Глаз зацепился за строчку «Февраль 1942 года». Февраль 42-го. Самый страшный месяц самой страшной блокадной зимы. Почему же этой карточкой никто не воспользовался? Её хозяин умер? Но как она тогда попала в журнал? Каким образом чья-то жизнь застряла между страницами? Я понимал, что никогда не узнаю ответа...

2.

Бывало карточки выхватывали прямо на улице, поэтому Николай Сергеевич прятал её во внутреннем кармане пальто, сделанном из грубо пришитого куска сукна. У жены вышло боже куда аккуратней, но Нина умерла ещё в декабре, на четвертый месяц блокады. Фролов до сих пор не мог понять, почему судьба обошлась с ней таким образом. В остальных известных ему ле-

нинградских семьях первыми уходили мужчины. Природа не предназначила сильный пол для длительных испытаний голодом и холодом, даровав ему силу, но не выносливость. И вот, поди ж ты. Нина, которая отродясь ничем не болела, уже месяц лежит на Серафимовском, а он, пожилой мужик далеко за шестьдесят, чья история болезни в поликлинике толще «Братьев Карамазовых», всё ещё жив.

Идти от дома до работы было недалеко. Раньше Николай Сергеевич никогда не задумывался — сколько именно. Но теперь знал это хорошо. До академии примерно шестьсот пятьдесят шагов. Хотя недавно было шестьсот двадцать. Нет, расстояние не изменилось. Просто, чем медленнее идёшь, тем короче шаг. Каждый из них с недавних пор стал отдельным событием. Фролов и не подозревал, насколько сложен процесс ходьбы. Сначала нужно перенести центр тяжести на одну ногу, потом переставить вторую, стараясь не потерять равновесия. А ещё нужно бороться с нестерпимым желанием прислониться спиной к стене дома и хотя бы немного передохнуть. Но делать этого нельзя — потом захочется сесть. Если это сделать, уже не встанешь.

Прямо посреди тротуара дорожку преградил сугроб. Под свежим снегом что-то темнело. Наверняка труп. Николай Сергеевич не ощутил ничего, кроме досады. Придётся сделать несколько лишних шагов. Блокада изменила многое и многим. Для него это слово состояло из двух: Блок Ада. Данте ошибся. Ад — не пламя и сера. Настоящий ад — холод и голод.

Толкнув дубовую дверь, отделяющую помещение кафедры от коридора, Фролов сразу ощутил благословенное тепло. По блокадным меркам, конечно. Это значило: если не раздеваться — мёрзнуть не будешь. На звук скрипа дверных петель из лаборатории выглянула Ольга Павловна. Дом одинокой

пожилой лаборанткой раздобыли ещё в октябре, и она стала жить на работе. Николай Сергеевич не возражал. Приходить в тепло куда лучше, чем ждать, пока хоть как-то прогреются промёрзшие за ночь стены. Конечно, увеличился расход дров, а дрова этой зимой были не меньшей ценностью, чем еда. К счастью, завхоз Коровин ещё в октябре предусмотрительно сделал в подвале большой запас. К февралю от него остались жалкие крохи, но Пётр Ильич обещал достать ещё.

– Доброе утро, Николай Сергеевич, – поздоровалась лаборантка. – Сейчас я вам чай принесу.

Никто из них не задумывался над тем, что слова «доброе утро» давно потеряли смысл. Никакого добра очередное утро не обещало. Фролов прошёл к столу и присел, переводя дух. В собственный кабинет он наведывался только по необходимости. Прогреть все помещения кафедры – непозволительная роскошь, поэтому трое оставшихся сотрудников перебрались в лабораторию. Остальные ещё в августе эвакуировались в Самарканд. Николаю Сергеевичу, учёному с именем, тоже предлагали уехать, но он отказался наотрез.

Ольга Павловна поставила перед профессором алюминиевую кружку. Фролов, не снимая варежек, взял её в руки и сделал глоток. Кипяток обжёг язык. Когда боль прошла, Николай Сергеевич ощутил привычную горечь от брошенной в кружку таблетки прессованной хвои. Таким «чаем» они спасались от цинги.

Прихлёбывая горячую жидкость, Фролов вспомнил, что сегодня предстоит поход за водой. И лучше бы сделать это прямо сейчас, пока есть силы. Пока не размлел от тепла. За водой ходили на Неву. Она хорошо виднелась из окна – академический корпус стоял на набережной. Спуск к реке находился прямо напротив парадного входа. Доставка воды была лично взятой на себя Николаем Сергеевичем обязанностью. Не в пример более крепкий Коровин, которому недавно минуло пятьдесят, предлагал заменить профессора в качестве водоноса, но тот не соглашался. Походы на Неву оставались последним аргументом в пользу того, что он живёт, а не выживает.

Научная работа на кафедре давно замерла – невозможно проводить эксперименты в отсутствие воды и электроэнергии. В этих условиях можно было бы и вовсе не ходить в академию, но те, кто

оставался дома, ухитрились быстрее. В поисках дела Фролов вернулся к давним разработкам собственной теории химического строения. До войны ему вечно не хватало на это времени, так почему не сейчас, благо под рукой богатая библиотека?

Николай Сергеевич достал из потайного кармана полученную утром продуктивную карточку на февраль, положил её перед собой и бережно разгладил. Никогда слово «жизнь» не имело столь наглядного вещественного эквивалента.

«Надо идти, – вновь подумал Фролов. – Иначе окончательно размякнут».

– Приготовьте саночки, – попросил он Ольгу Павловну. – За водой пойду.

– Отдохнули бы. Ещё успеется. Там в ведре немного осталось.

– Потом отдохну. Не ровён час начнётся обстрел, а там и стемнеет.

Ольга Павловна знала, что спорить с профессором бесполезно, и покорно вышла в коридор.

Фролов попытался встать. Голова закружилась. Схватившись за столешницу, он нечаянно задел кружку. Остатки хвойного чая выплеснулись на стол и затекли под карточку, на которой, к ужасу Николая Сергеевича, быстро начало расплываться тёмное пятно. Он схватил драгоценный листок и потянул его. Печати! Только бы не пострадала печать! Пятно увеличивалось на глазах, подбираясь к краю фиолетового круга.

Профессор огляделся по сторонам. На лабораторном столе лежал какой-то журнал. Бросившись к нему – откуда только силы взялись? – Фролов положил карточку между страницами, захопнул увесистый том и всеми телом привалился сверху. Пересохшие листы старой бумаги впитывают влагу. Подождав некоторое время, Николай Сергеевич раскрыл журнал. Слава богу, печати не пострадала. А пятно... Подумаешь, пятно. Когда высохнет, может, и вовсе незаметно будет. Фролов переложил карточку в другое место и ещё раз плотно прижал. Бережёного бог бережет, пусть ещё подсохнет.

Он вернулся к своему столу, сомкал лист с черновыми записями и попытался убрать со стола остатки разлитого чая.

– Оставьте, Николай Сергеевич, я беру.

Фролов обернулся. Ольга Павловна, как всегда, появилась неслышно. С ней бы в разведку ходить. Правда, профессор лишь смутно представлял, как это делается. В коридоре через раскрытую дверь виднелись саночки с притороченным к ним бидо-

ном. Он был явно меньше того, с которым Николай Сергеевич отправлялся на Неву раньше. Видно, Коровин нашёл где-то другой. Жалуют. Профессор сделал вид, что ничего не заметил. Наверное, этого объёма достаточно.

Его было недостаточно. Завхоз тайком делал к реке ещё одну ходку.

3.

У проруби образовалась небольшая очередь – три похожих друг на друга женщины в коричневых шерстяных платках. Впрочем, сейчас все были похожи друг на друга. Что женщины, что мужчины. Первая молча черпала воду из проруби большим кухонным половником, переливая её в детскую ванночку. Остальные двое – судя по разговору, подруги – стоя поодаль, тихо переговариваясь между собой. Фролов пристроился рядом.

– Говорят, немцы уже за Уралом, – шепнула та, что была повыше.

– Как – за Уралом? Погнажи же их от Москвы.

– От Москвы-то погнажи, только они её обошли – и дальше двинулись, где их не ждали.

– Не верится что-то.

– Не верится? А коли б тебе по весне сказали, что Детское Село немецким станет, а ты будешь к Неве по воду ходить, поверила бы?

Говорившая заметила, что Николай Сергеевич прислушивается к их беседе, и своеобразно вздёрнула голову.

– Что уши наострил? В НКВД хочешь сдать? Сдавай. Там, может, накормят перед смертью.

Фролов смешался под её напором.

– Ничего я не наострил. Только никаких немцев за Уралом нет и быть не может, это я знаю абсолютно точно.

– Знаешь? И откуда же? Начальник, что ли? Начальники у проруби не стоят, у них всё с доставкой.

– Катя! – спутница испуганно схватила подругу за руку. – Что ты говоришь?!

Но та не унималась.

– Что говорю? А нам что говорили?! Малой кровью! На чужой земле! Где она, чужая земля? Это наша теперь – чужая!

Женщина у проруби схватила веревку и потащила санки за собой, наполнив ванночку лишь до половины. Видно, хотела быстрее обратиться подальше. Николай Сергеевич тоже

почувствовал себя неуютно. Он раскрыл было рот, чтобы достойно ответить, но отчаянная Катя вдруг растеряла весь свой пыл, закусила губу и разрыдалась, уткнувшись в плечо соседки. Платок сбился на сторону, высвободив густую прядь роскошных чёрных волос.

— Катя, Катя... перестань. — Женщина обняла подругу. — Жениха у неё убило, — пояснила она Фролову. — Вчера похоронку принесли. А так вы не думайте. Как бомбежка — Катя на крышу дежурить первая. И в комсомоле состоит. Вы берите воду-то. Мы потом...

4.

Вернувшись назад, Николай Сергеевич отогрел у печки замерзшие руки и рискнул снять полшубок. Ему показалось, что в лаборатории сегодня теплее обычного.

Фролов устроился за столом, придвинул к себе листы со вчерашними записями. Писать приходилось карандашом — чернила на холоде застывали. Николай Сергеевич просмотрел выкладки, которые сделал вчера и, к собственному удовольствию, не

нашёл ошибку. Кажется, ему удалось прилично продвинуться вперёд. Такой материал с радостью напечатали бы в любом серьёзном научном журнале.

Журнал!

Профессор вспомнил об оставленной карточке, повернулся к лабораторному столу и замер. Стол был пуст. Николай Сергеевич вскочил и завертел головой по сторонам. Журнала нигде не было. Он подошёл к столу и провёл по нему рукой, будто журнал был невидимым и мог обнаружиться только наощупь. Фролов отлично помнил, что оставил его на этом месте. Может, лаборантка зачем-то взяла?

— Ольга Павловна! — крикнул он.

Та вскоре появилась в дверях.

— Вы меня звали?

— Да! Идите сюда!

Лаборантка подошла.

— Когда я уходил за водой, вот здесь, на этом месте, — Фролов ткнул пальцем в поверхность стола, — лежал журнал. Куда вы его дели?

— Я его никуда не девала.

— Как — никуда? Не мог же он испариться в воздухе? Кроме нас с вами...

Ольга Павловна не дала закончить фразу.

— Это Пётр Ильич.

— Что — Пётр Ильич?

— Пётр Ильич его взял.

— Коровин? Он здесь?

— Уехал за дровами. Буквально за минуту до вашего прихода.

— И вы видели, как он брал журнал?

— Да.

— Зачем он ему понадобился?!

Лаборантка удивлённо уставилась на профессора.

— Откуда мне знать?

Фролов попытался взять себя в руки.

— Да, конечно. Простите мою резкость, Ольга Павловна. Просто мне очень нужен этот журнал.

Николай Сергеевич не стал называть причину. Незачем преждевременно сеять панику в коллективе. Тем более, поводов для паники нет. Нужно всего лишь дожидаться возвращения Коровина. Но тот мог вернуться и под вечер. Столько времени сидеть и ждать, оставаясь в неведении, просто невозможно.

— Бы случайно не видели, куда он его дел?

Ольга Павловна подумала.

— Пётр Ильич такой аккуратист... Может, отнёс в библиотеку?

Фролов поспешил в книгохранилище. Полки с журналами уходили под потолок. Фолианты двух-, а то и трёхсотлетней давности с потемневшими от времени золотыми буквами стояли на полках стройными гвардейскими рядами. Шеренги чёрных, бордовых, коричневых томов скрывались в темноте. В библиотеке не было окон.

— Ольга Павловна, принесите, пожалуйста, копилку, — попросил Николай Сергеевич.

Поможет ли копилка? Ведь Фролов не имел ни малейшего понятия, в какой именно журнал положил карточку. Скорее всего, он сам раньше взял его в библиотеке. Но, работая над своей теорией, профессор просматривал множество журналов. Кажется, буквы на страницах были немецкие. И что? В библиотеке сотни немецких журналов. Предшественники по кафедре копили богатство два века. Не он ли всегда гордился ими? Перелистывать все номера подряд можно неделями. Голод добьёт раньше.

Вернулась лаборантка. Фролов забрал у неё копилку и медленно двинулся вглубь. Темнота отступала. Если Коровин действительно поставил книжку на место, она должна как-то выделяться, отличаться от остальных. Не станет же завхоз тратить время на то, чтобы выровнять ряд. Николай Сергеевич схватил журнал, немного выдававшийся вперёд, и торопливо пролистал. Потом сделал это ещё раз более внимательно. Ничего. Обнаружил другой, утопленный внутрь ряда. Тоже пусто. За ним последовал третий, четвертый... На пятом Фролов понял: его действия не имеют смысла. Ряды лишь на первый взгляд казались ровными. Если присматриваться внимательно, каждая книга будет казаться только что побывавшей в руках...

Язычок пламени копилки, неосторожно поставленной поверх книг, начал облизывать полку. Николай Сергеевич забрал светильник и стёр успевшее образоваться пятно сажи. Не хватало ещё сжечь библиотеку...

жалейте, завтра будут дрова». Я говорила ему, чтобы он сначала посоветовался с вами, но...

– Ничего. Пусть, – успокоил женщину профессор.

Вот всё и объяснилось. Действительно, пусть. Во-первых, стол в преподавательской не раритетный. А во-вторых... за имущество отвечает Коровин.

Теперь оставалось только ждать. Николай Сергеевич надел полубухоб. Ольга Павловна права – скоро здесь похолодает. Он вновь придвинул к себе страницы с формулами и попытался погрузиться в тему, но ничего не получалось. Перед глазами всё время вставал листок бумаги, расчерченной на квадраты, с большим мокрым пятном в углу. Впрочем, пятно наверняка высохло. Надо успокоиться. В конце концов, карточка куда-то делась. Она не потеряна, не сгорела, не пропала. Она в соседней комнате. И снова окажется у него в руках, как только вернётся Коровин. Но, чёрт возьми, как же хотелось, чтобы тот вернулся быстрее...

5.

До войны Пётр Ильич был снабженцем, а у хорошего снабженца всегда много друзей. В конце января начался слом на дрова деревянных построек. Один из приятелей Коровина получил разрешение разобрать дом на улице Калинина и обещал поделиться. Вчера от него последовал звонок. Договорились встретиться в одиннадцать утра. К сроку Пётр Ильич не успел – искал машину. И ведь нашёл. Расплатиться пообещал той же валютой – дровами. Водитель нервничал. Боялся, что примут за мародёра, но Коровин заранее обзавёлся всеми необходимыми бумагами. Вид печатей и подписей успокоил водителя. На место они прибыли в 11.45. Намеченный к сносу дом ломать не понадобилось. На его месте обнаружился руины, среди которых копошились четверо мужчин. Один – в шинели с двумя шпалами на петлицах – стоял поодаль.

Узнав в нём приятеля, Пётр Ильич пошёл и пожал руку.

– Приветствую. Что, немцы помогли?
– Не говори. Бывает и от них польза. Ночью разнесли. Хорошо, «зажигалку» не кинули. А твои люди где?

– Откуда у меня люди? Весь личный состав – лаборантка-пенсионерка да профессор, что еле ноги таскает. Вот, – Коровин кивнул в сторону машины, – одного помощника прихватил по случаю. Сколько взять разрешишь?

– Бери, сколько надо. Наряд на один дом дали, а размолотили два. Поди теперь разбирай, где какой.

– Живём! – обрадовался завхоз и подозвал водителя: – Что сидишь? Шагом-марш на погрузку!

Они успели закинуть в кузов по паре обломков брёвен, когда начался артобстрел.

Майор посмотрел на часы.

– Не зря тебе говорил, чтоб раньше приехал. 12.00. Как по расписанию. Быстро в укрытие! – крикнул он рабочим.

Те послушно побежали в сторону большой воронки. Водитель машины присоединился к ним.

– А ты что? – спросил Коровина майор. – Жить надоело?

– Не в наш район целят, чего время терять? Немцы – педанты, работают по квадратам. Куда попало снаряды кидать не станут. К тому же, как говорится, два раза в одно место...

Завхоз прихватил ближайшую доску и понёс к машине.

– Дело твоё, – офицер присоединился к остальным.

Пётр Ильич оказался прав. Два раза в одно место снаряды не попали. Хватило одного. То ли это был какой-то шальной выстрел, то ли немецкий наводчик ошибся с прицелом, но на улицу Калинина прилетел один-единственный снаряд. Прямоёхонько в полуторку, рядом с которой стоял Коровин.

Когда пыль от взрыва улеглась, майор выглянул из воронки в надежде помочь приятелю. Однако, помочь было уже некому. Завхоза убило наповал.

СЖЕЧЬ!

Фролов вздрогнул и тут же бросился к выходу. Лаборантка еле успела отпрянуть.

Возле буржуйки обычно стояла кочерга. Сейчас её там не было.

– Кочерга! Где кочерга?! – крикнул профессор.

– Вот.

Подошедшая Ольга Павловна показала на проём между тумбами.

Николай Сергеевич открыл дверцу печки и принялся шуровать внутри. Горячие угли летели на пол.

– Что вы делаете? – вскрикнула лаборантка.

Фролов, не обращая на неё внимания, продолжал выбрасывать угли на пол, растапывая ногами. Когда стало окончательно ясно, что в топке нет ничего, похожего на остатки книг, он отставил в сторону кочергу и, разом ощутив навалившуюся на него страшную усталость, сел на стул.

– Что же вы натворили, – причитала Ольга Павловна, собирая в совок разбитые в труху островки живительного тепла. – Дров больше нет, скоро станет холодно. Когда ещё Пётр Ильич вернётся.

– Ничего, – пробормотал Фролов. – потерпим. Он, наверное, скоро.

Неделю назад между ним и Коровиным произошла резкая ссора. Завхоз предложил часть книг из библиотеки пустить на растопку. Николай Сергеевичу даже мысль об этом казалась кощунством.

– Как вы можете предлагать такое?! – негодовал он. – Эти книги – бесценные сокровища!

– А жизнь? Она что, ничего не стоит? Я не предлагаю сжигать всё подряд. Отберите самое ценное. То, чего уже нигде нельзя найти. Остальное будем расходовать экономно, пока я не найду дров.

– Да поймите же! – продолжал увещевать завхоза Фролов. – Эта коллекция уникальна. И уникальна она именно своей полнотой. Я скорее умру, чем позволю вам к ней прикаснуться!

– Умирайте! Ваш право. А Ольгу Павловну спросили? Согласна она умереть в обнимку с вашими сокровищами?

Глаза Николая Сергеевича заволокло пеленой гнева.

– Вы просто не хотите больше таскать дрова! – выкрикнул он. – Хотите сэкономить силы, чтобы выжить! Извольте! Я найду их сам! Сегодня же! А вы сидите здесь и греетесь!

– Вы? – завёлся Коровин. – За дровами? А давайте! Только сначала потренируйтесь. Разломайте-ка вот этот шкаф. – Он показал на дубовый шкаф, стоявший у входа. – Ну? Что стоите? Топор дать?

Некоторое время мужчины сверлили друг друга взглядами, потом завхоз плюнул и вышел. Больше они к этой теме не возвращались. И вот теперь, в библиотеке, Фролова пронзила ужасная мысль о том, что Коровин всё же взялся за книги, начав с подвернувшегося под руку журнала. Не случайно в лаборатории сегодня было заметно теплее. Кстати, почему?

– Почему сегодня не так холодно, как обычно? – спросил Николай Сергеевич лаборантку.

Та скосилась на него.

– Пётр Ильич вечером сломал стол в преподавательской. Сказал: «Топите, не